

В. П. КРУГЛЯШОВА, О. А. КЛИМОВА
Свердловск

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ ПЕСНИ «СОЛОВЕЙ КУКУШЕЧКУ УГОВАРИВАЛ»

Народная поэзия у нас еще достаточно сильна, и рассказы об ее исчезновении лишены достаточного основания.

А. И. Соболевский.

Русская народная песня «Соловей кукушечку уговаривал» имеет длительную историю бытования. Многочисленные публикации в песенных сборниках XIX—XX вв. свидетельствуют о широком ее распространении. В публикациях песни представлена разнообразными вариантами. Так, П. В. Киреевский помещает в своем сборнике 5 вариантов¹, а А. И. Соболевский — 8². В примечаниях к своему сборнику А. И. Соболевский четко определил сюжет песни: «Молодец хочет обмануть и увлечь за собой девицу». Позднее, в XX в., фольклористы формулировали его так: «Молодец зовет девицу в Казань». Именно под этим названием объединено 20 вариантов песни в сборнике «Исторические песни XIII—XVI вв.»³. Тексты включены в раздел песен XVI в. несмотря на то, что в комментариях составители выражают сомнения по поводу создания песни в то время. То, что песня действительно древнего происхождения, сомнения не вызывает, так как среди текстов есть вариант, перепечатанный из сборника Чулкова XVIII в.⁴

Устойчивое диахроническое и синхроническое бытование песни привлекло внимание исследователей. О ней писали известные советские фольклористы: А. В. Позднеев, Б. Н. Путилов, А. М. Астахова. Материалы экспедиций последнего десятилетия (Свердловск, Уральский университет) убедительно свидетельствуют об активном бытовании песни в наши дни. Следовательно, наше внимание к песне с целью выяснения ее современного со-

¹ Песни, собранные Киреевским. В 10 т. Т. 4. М., 1860—1974, с. 14—17.

² А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. В 7 т. Т. 1. Спб., 1895—1902, № 226—233.

³ Исторические песни XIII—XVI вв. М.—Л., 1960, № 84—103.

⁴ Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен. В 4 ч. Ч. 3. Спб., 1911—1913, № 134.

стояния вполне оправдано. Исследование современного состояния фольклора в настоящее время является важнейшей задачей фольклористики. «Нам важно знать сейчас возможно более конкретно и полно, что хранит народ из старого наследия и, точнее, что живет активно и что пассивно сохраняется в его памяти», — пишет Б. Н. Путилов⁵.

Что же известно в фольклористике об этой песне? Когда она создана? Каковы ее художественные особенности, какие изменения произошли в ее художественной структуре с течением времени?

Большинство советских фольклористов склонны считать, что песня «Соловей кукушечку уговаривал» сложена была в XVI в. А. В. Позднеев, сопоставляя варианты песни из сборника Чулкова с «Казанским летописцем», приходит к выводу, что песня возникла в середине XVI в. в связи с событиями 1552 г. — взятием Казани Иваном Грозным⁶. С ним согласны Б. Н. Путилов и С. Г. Лазутин.

Песня создана на основе конкретных исторических событий, но никто из исследователей не относит ее безоговорочно к песням историческим. А. В. Позднеев рассматривает ее как раннюю лирическую песню, С. Г. Лазутин — как лирическую песню с историческим содержанием, а Т. Г. Леонова называет подобные песни историческими лирико-бытовым планом и справедливо, на наш взгляд, утверждает, что такие песни дольше живут в народе, чем чисто исторические, уходящие в прошлое вместе с историческим событием, на основе которого создавалась песня⁷. Возможно, в том и состоит секрет длительного бытования песни «Соловей кукушечку уговаривал», что она обладает богатейшим, многоплановым содержанием: «философия здесь слита с лирикой, с бытом, с историей»⁸, — и изображенные в ней жизненная ситуация и характеры лишены временной ограниченности.

Несмотря на свой солидный «возраст» — более четырехсот лет, песня сохранила традиционный сюжет, который построен, на первый взгляд, на конфликте лично-бытового плана. Именно на этот конфликт опирался А. И. Соболевский, давая свое определение сюжета песни. Однако песня не ограничивается лично-бытовым планом, ее историческая основа тесно связана с народной философией. Художественно преломились в песне представления народа о последствиях войны, кровавых событиях, которые делают недостижимым личное счастье. В песне, в отличие от эпических и философских жанров фольклора, эмоциональный момент преобладает

⁵ Б. Н. Путилов. Фольклорное наследие русского народа и современная культура. — Русский фольклор, т. 9. М.—Л., 1964, с. 64—82.

⁶ А. В. Позднеев. Лирические песни XVII в. — Русский фольклор, т. 1, 1956.

⁷ Т. Г. Леонова. Наблюдения над современным состоянием фольклора. — В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, с. 30.

⁸ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.—Л., 1960, с. 187.

над рациональным. Это выражается в отсутствии прямой оценки изображаемых событий. Но неприятие войны явно звучит в лирическом диалоге молодца и девушки, в ярком контрастном описании картины разоренного города и города-сада, каким была Казань до кровавых и жестоких битв.

Особенно глубоко и даже трагическим становится содержание песни, если принять трактовку ее сюжета Б. Н. Путиловым. Он считает, что сюжет песни основывается не на обмане девушки молодцем, а на его незнании о разорении Казани⁹. Тогда обман становится невольным, вина за него ложится не на героя, а на объективные исторические события, ставшие причиной многих несчастий. В такой трактовке песни окончательно переходит из этического плана в план философско-исторический. Но, на наш взгляд, такое понимание сюжета подходит лишь к ранним вариантам песни, наиболее полным, бытовавшим пока песни не утратила конкретно-исторической основы. Действительно, о событиях, ставших основой создания песни, забыли в народе, а песни бытует до сих пор. По мнению А. В. Позднеева, песня сохраняется так долго благодаря своей высокой художественной выразительности¹⁰. Итак, высокая художественность песни «Соловей кукушечку уговаривал» — еще одна причина длительного бытования ее. Художественность песни достигается прежде всего неразрывным единством и удивительной гармонией ее глубокого содержания со стройной композицией и яркой образностью языка.

Символический пейзажный зачин расширяет образный мир песни. Для русской народной песни характерно стремление раскрыть душевный мир человека через сопоставление с природой. Так рождается в песне психологический параллелизм, основанный на сопоставлении двух мотивов, из которых «один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием»¹¹. Психологический параллелизм стал ценнейшим художественным достижением песенного фольклора. Сохранение пейзажного зачина в песне «Соловей кукушечку уговаривал» придает ей особое очарование, делает ее выразительнее и лиричнее. Картина природы символизирует стремление всего живого к счастью, стремление молодых к семье, к мирной жизни.

Действие второй композиционной части — песенного диалога молодца и девушки — развивается параллельно пейзажному зачину, но не подчиняется ему полностью. Второй мотив параллелизма, «человеческий», наполнен иным содержанием — размышлением о невозможности счастья в городе, стоящем на человеческих костях, потопленном в крови и слезах, а в более поздних вариантах — о невозможности семейного счастья, основанного на обмане, который рано или поздно будет разоблачен:

⁹ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XV вв.,

¹⁰ А. В. Позднеев. Лирические песни XVII в.

¹¹ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 144.

Не обманывай, добрый молодец,
Я сама знаю про то, ведаю,
Что Казань-город на костях стоит,
Казаночка-речка кровава течет,
Мелки ключики — горячи слезы,
По лугам-лугам всё волосы,
По крутым горам всё головы,
Молодецкие всё, стрелецкие¹².

Темы любви, счастья, войны и ее страшных последствий всегда были и остаются самыми волнующими в народной поэзии. Именно они, облекаясь в наиболее поэтические художественные формы, лежат в основе самых лучших народных песен, к которым по праву принадлежит и песня «Соловей кукушечку уговаривал».

Сохраняя свою сюжетную основу и композиционную стройность, песня бытовала и бытует в народе во множестве вариантов, так как вариативность является реальным условием жизни фольклорных произведений, которые существуют «не в стабильной, канонической форме, а во многих вариантах, где каждый является определенным моментом в творческой жизни этого произведения в массах»¹³. Изучение отдельных вариантов песни и рассмотрение их в совокупности позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся ее исторической судьбы: в каком направлении происходило изменение песни, каковы тенденции ее художественной структуры, что является наиболее устойчивым в ней, а что — подвижным.

Обратимся к вариантам, опубликованным в песенных сборниках XIX в. Уже здесь песня представлена в двух различных композиционных версиях. Тексты одной группы имеют пейзажный зачин, в текстах другой группы он отсутствует, вследствие чего усиливается бытовой аспект содержания. Персонажи попадают в ситуацию типичного песенного зачина:

У колодичка было у холодного,
У ключика было у студеного,
Красна девица воду черпала,
Добрый молодец коня поил.
Во тереме было во высоком
Молодец девицу подговаривал¹⁴.

Отметим, что вариант песни, признанный исследователями наиболее архаичным¹⁵, принадлежит к группе текстов с более сложным композиционным строением. В поздних вариантах, где упрощается композиционная структура песни, усложняется ее образная система; ярче становится описание богатств Казани до ее разорения и бедствий после ее разгрома.

¹² А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 1, № 227.

¹³ В. Е. Гусев. О критериях фольклорности современного народного творчества.—В кн.: Современный русский фольклор, с. 20.

¹⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 1, № 230, 233.

¹⁵ Там же, № 227.

Наш Казань-город на красе стоит,
 На красе стоит, на угожестве.
 Казань-реченька медом протекла,
 Мелки ручейки зеленым вином,
 По горам-горам по высоким
 Лежат камешки самоцветные,
 По лужкам-лужкам по зеленым
 Растет трава все шелковая,
 По траве цветут цветы лазоревы,
 По лесам-лесам по дремучим
 Бежат куны заморские.
 Ваш Казань-город на костях стоит,
 Казань-реченька кровью протекла.
 Мелки ручейки — горючими слезами.
 По горам-горам по высоким
 Не камни лежат самоцветные —
 Лежат головы человеческие.
 По лужкам-лужкам зеленым
 Не трава растет шелковая —
 Лежат волосы человечески.
 По лесам-лесам по дремучим
 Не куны бежат заморские —
 Бежат волки едучие¹⁶.

Постепенно песня утрачивает связь с конкретно-историческими событиями. Все чаще в нее проникают названия других городов, с которыми в сознании слушателей и исполнителей ассоциируется описание последствий кровавых событий. Так, в середине и конце XIX в. встречаются варианты, в которых молодец приглашает девицу в Москву¹⁷, Смоленск¹⁸ и другие города.

Таким образом песня осовременивается, «прикрепляясь» к конкретным историческим событиям эпохи. В то же время наблюдается и другая тенденция: песня превращается в военно-бытовую. Постепенно возникает иная редакция. В ней появляются новые действующие лица: солдаты, офицеры, они уговаривают девушек идти с ними, соблазняя их «привольным житьем»¹⁹.

С. Г. Лазутин отмечает появление купеческих вариантов песни, в которых на первое место выступает не красота города, а богатство его рынка:

Как у нас было в Казани
 Много всякого товару:
 Конопляно — не вервяно,
 Посконное — не ленное²⁰.

¹⁶ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 1, № 231.

¹⁷ Песни, собранные Киреевским, т. 6, с. 20.

¹⁸ «Русская старина», 1879, № 10, с. 351.

¹⁹ Исторические песни XIII—XVI вв., с. 638.

²⁰ В. Попов. Народные песни, собранные в Чердынском уезде. Спб., 1880, с. 101—103.

Здесь мы тоже сталкиваемся с активной переработкой сюжета песни.

Итак, на протяжении XIX в. песня «Соловей кукушечку уговаривал» изменяется в двух направлениях: 1) наблюдается процесс обновления исторического ее содержания, когда сюжет не меняется, но в песне поется не о Казани, а о другом городе; 2) сюжет перерабатывается, песня переходит в бытовую план.

Что же происходит с ней в XX в.? Тенденция замены города Казани другим продолжает существовать. Доказательством могут служить тексты, записанные на севере России²¹, в Сибири²², на Урале²³, в которых упоминаются названия Кубани, Куры-реки, Лабы-реки, Нарыма-города, навевающего страшные воспоминания как место отдаленной ссылки, Харбина-города и т. д. Песня продолжает бытовать и в 60—70-е гг. XX в. Каковы же ее современное состояние, композиция, сюжет и художественные особенности? Кто поет ее?

Ответить на эти вопросы в какой-то степени можно опираясь на материалы ФА УрГУ. Экспедициями УрГУ было исследовано современное состояние фольклорных жанров на большой территории Урала, созданы богатые коллекции фольклорных произведений. В коллекции содержится более 20 текстов песни «Соловей кукушечку уговаривал»²⁴, география распространения ее на Урале широка²⁵.

Следует отметить, что песня входит в женский репертуар и исполняется песенницами среднего и пожилого возраста с видимым удовольствием. Все уральские варианты распадаются на две группы: в первую входят тексты, сохранившие лишь пейзажный зачин и песенный диалог героев. Зачин прекрасно сохранился в песнях второй группы: те же образы, олицетворяющие согласную семейную жизнь, — соловей и кукушка, теплое гнездышко, зеленый лесок, двое детушек и т. д. Исключение составляет лишь вариант, записанный в д. Галкино Камышловского р-на, где появляется новый персонаж — щеголь²⁶. Вероятно, это измененное название пев-

чей птицы щегол, произносимое на Урале как щеголь. Вторая же часть песни значительно сократилась и стала менее яркой и выразительной.

Есть и такие варианты, в которых не нарушается мирная идиллическая картина, в них отсутствует даже отдаленный намек

²¹ Записано П. Г. Ширяевой.—ФА ИРЛИ, колл. 77, п. 3, с. 78.

²² В. А. Василенко. Традиционная русская народная песня в современном песенном репертуаре. — «Учен. зап. Омск. пед. ин-та», 1958. Сер. историч. филология, вып. 11, с. 180.

²³ ФА УрГУ. Колл. «Соловей кукушечку уговаривал», № 18, 19.

²⁴ Там же, 22 текста.

²⁵ Песня записана в 1962—1976 гг. в Невьянском, Сысертском, Камышловском, Полевском, Каменском и Пригородном р-нах Свердловской обл. Два уральских варианта см. в кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975, с. 198—199.

²⁶ ФА УрГУ. Колл. «Соловей кукушечку уговаривал», № 2.

на существование у песни исторической основы, скрытой в глубине веков. Но и в тех вариантах, где сохранено сопоставление двух противоположных образов Казани, историческая основа песни тоже забыта. Исполнителей этой песни сейчас больше занимает ее любовно-бытовая проблематика, конфликтная ситуация, возникающая между героями на основе обмана. В песне на первый план выходят нравственные проблемы, касающиеся взаимоотношений людей, о чем говорит наличие в некоторых текстах нового композиционного приема, нехарактерного для традиционных вариантов песни, — кольцевой композиции во второй части: она начинается и кончается рефреном: «Врешь ты, врешь, мальчишка, врешь, обманываешь»²⁷. Вместе с этим усиливается лиризм песни: в нескольких вариантах на первую часть песни, рисующую картину из жизни природы, приходится больший эмоциональный подъем во время ее исполнения, вторая часть сокращается, она намного беднее в художественном отношении по сравнению с пейзажным зачином. Из традиционных образов сохранились лишь образы реки с медом (в речах молодца) или с кровью (в речах девушки) и ручеечков со сладкой водочкой либо с горючими слезами.

Особый интерес представляют два варианта, записанные в одном населенном пункте, но от разных исполнительниц²⁸, где встречается название города Харбина. Как проникло в песню название китайского города, пока не ясно, и исполнительницы не могли объяснить. Возможно, это связано с событиями русско-японской войны, коснувшимися так или иначе жителей этой деревни.

Судьба песни неоднозначна. Наблюдается процесс ее превращения из лирической исторического содержания в песню лирическую с содержанием семейно-бытовым. Также заметна тенденция «прикрепления» содержания песни к событиям более поздним, чем те, на основе которых она возникла. В результате название города, в который парень зовет девушку, изменяется. Историческая основа песни как бы обновляется, однако эта тенденция выражена значительно слабее.

²⁷ ФА УрГУ. Колл. «Соловей кукушечку уговаривал», № 13.

²⁸ Там же, № 18, 19.